

Л.П. Лобанова

*Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова, г.
Москва*

ЯЗЫК КАК ЭНЕРГЕЙЯ В КОНЦЕПЦИИ В. ФОН ГУМБОЛЬДА И Л. ВАЙСГЕРБЕРА

Ключевые слова: энергейя, эргон, языковая картина мира

*Одна из главных мыслей в философии языка В. фон Гумбольдта состоит в том, что язык есть «вечно возобновляющаяся работа духа», энергейя, а не эргон, т.е. непрерывное действовање, а не готовый продукт. Цель этой статьи заключается в том, чтобы показать, как Л. Вайсгербер развивает положение Гумбольдта об эргоне и энергейе, подчеркивая, что язык следует изучать и как силу в действии (*energeia*), направленную на преобразование реальности и формирование картины мира (*Weltbild*), и как статическую систему (*ergon*), содержащую в себе статическую картину мира (*Weltansicht*).*

L.P. Lobanova

Moscow State University of M.V. Lomonosov, Moscow

CONCEPT OF LANGUAGE AS ENERGEIA IN W. VON HUMBOLDT'S AND L. WEISGERBER'S THEORY

Keywords: energeia, ergon, linguistic world picture

*One of the dominant ideas in the language philosophy of W. von Humboldt is that of language as «eternally repeating work of the spirit», as energeia rather than ergon, i.e. an ongoing active process rather than a finished product. The aim of this article is to show how L. Weisgerber develops Humboldt's notion of ergon and energeia emphasizing that language is to be studied, both as an activity (*energeia*) which implies a restructuring of reality to form a dynamic picture of the world (*Weltbild*), and as a static system (*ergon*) which contains a static picture of the world (*Weltansicht*).*

Философии языка В. фон Гумбольдта Вайсгербер отводит совершенно особое, даже уникальное место в истории науки о языке, поскольку его идеи «были по отношению к предыдущим эпохам подведением итога, венцом того опыта и тех знаний, которые, хотя и нередко заявляли о себе в ходе духовной истории Запада, все же никогда не достигали последовательного и убедительного законченного построения. С другой стороны, для последующей эпохи они означали задачу, превосходившую по своим масштабам все, что было раньше» (Weisgerber, 1953: 17). Выдающуюся заслугу Гумбольдта Вайсгербер видит, в частности, и в той настойчивости и последовательности, с которой он проводил мысль о языке как силе

духовного формирования, выдвинув положения о языковой картине мира (*Weltansicht der Sprache*) и внутренней форме языка. Вайсгербер подчеркивает, что мысль Гумбольдта о языковой картине мира и внутренней форме языка покоится на его понимании языка как энергеи, а сама оппозиция *эргон – энергеия* вытекает из общего, относящегося ко всем сферам жизни представления Гумбольдта, что «никакое отдельное состояние людей и вещей не заслуживает внимания само по себе, но лишь во взаимосвязи с предыдущим и последующим бытием; результаты сами по себе – ничто, всё – силы, производящие их и вытекающие из них» (Humboldt, 1960: 41-42), как он формулирует это уже в августе 1791 года в письме другу, отрывок из которого опубликован под названием «Идеи о государственном устройстве, навеянные новой французской конституцией». В 1949 году Вайсгербер, правда, еще утверждает, что «из различных сторон языка (*des Sprachlichen*) важнейшей представляется социологическая, показывающая язык в его проявлении как культурную ценность [языковой] общности» (Weisgerber, 1949: 7), и указывает в силу этого на необходимость изучать в первую очередь отдельные языки в их связанности с определенными языковыми общностями. Однако отношение языка и языковой общности он рассматривает при этом не с точки зрения коммуникативной функции языка в общности, но исходя из понимания языка как «силы духовного формирования, которой обладает человек» (Weisgerber, 1956/57: 66), и которая позволяет сделать мир с помощью языка духовно доступным для человека, вслед за Гумбольдтом и его известным утверждением, что язык есть «действующая сила», или «сила в действии» (*wirkende Kraft*).

Эту мысль Гумбольдта Вайсгербер понимает так, что «язык народа есть ‘его совокупная духовная энергия’ и что язык в целом принадлежит ‘к самым творческим силам человеческой истории’». Тем самым все формы проявления языка рассматриваются с точки зрения действующей силы» (Weisgerber, 1949: 8). Развивая это утверждение, он опирается также на энергетическое понимание жизни в целом, сформулированное Гумбольдтом в сочинении «Лаций и Эллада» и лежащее в основе его философии языка: ничто живое и никакая сила не может пребывать в покое, даже какой-то своей частью, но, будучи энергией, она в каждый момент находится в действии, и иначе не могла бы существовать вселенная. «Ни одна сила, – пишет Гумбольдт, – не завершается тем, что она до сих пор породила своим действием. С каждым действием она умножается; в каждом действии она содержит избыток, который всегда остается неизвестным, а ее будущие порождения невозможно просчитать на основании предыдущих. Вечно и постоянно может и должно возникать новое» (Humboldt, 1961: 28). Вайсгербер намеренно не употребляет вслед за Гумбольдтом немецкое слово *Tätigkeit* в значении *energeia*, поскольку видит опасность ложного истолкования мысли Гумбольдта, в том числе и в результате подмены понятия языка как деятельности понятием речевой деятельности (Weisgerber, 1950/51: 2).

Свое толкование понимания языка как энергейи у Гумбольдта Вайсгербер предлагает в работе «О понятии энергейи в гумбольдтовской концепции языка», которая является отчасти полемическим откликом на статью Роберта Яна «Новое формирование грамматики», затрагивающую этот вопрос. Р. Ян считает необходимым понимать «язык как актуальность, как совершающееся событие», однако же утверждение Гумбольдта о том, что язык есть не эргон, а энергейя, представляется ему «напоминанием о дискуссии, ставшей для нас несущественной», так что он считает это положение Гумбольдта «замечанием, сделанным вскользь, мимоходом», которое противопоставляет «сохранение языка при помощи письма как результат деятельности (эргон) живой устной речи как деятельности» (Jahn, 1953/54: 70).

Для разъяснения этого утверждения коротко скажем, не вникая в суть дискуссии, что здесь содержится намек на полемику И.Г. Гердера с Э. Лессингом, в которой Гердер, критикуя в «Критических лесах» в «Первой роще» (1769) сочинение Лессинга «Лаокоон», приводит в качестве аргумента противопоставление эргона и энергейи у Аристотеля. «Всякое произведение искусства, – пишет он, – есть, если воспользоваться классификацией Аристотеля, произведение, а не энергия. Оно представлено сразу во всех своих частях, его сущность состоит не в изменении, не в следовании друг за другом, а в сосуществовании рядом друг с другом» (Herder, 1862: 86). И далее замечает: «Хорошо было бы, если бы Лессинг положил в основу всего своего творчества это различие, проведенное Аристотелем между произведением и энергией, поскольку все отдельные отличия, которые он указывает, все равно сводятся, в конечном счете, к этому главному различию» (там же, с. 91). Гердер обращается за поддержкой также ко второму трактату Джеймса Харриса об искусстве (Harris, 1841: 1-24), отмечая в частности: «Многое для этой задачи предначертал один проницательный англичанин, который написал в духе Шефтсбери диалог об искусстве <...>. Давайте посмотрим, какие различия находит Харрис. Во-первых, он проводит совершенно ясное различие между искусствами, которые дают произведение, и искусствами, которые действуют посредством энергии. К первым относятся те, действие которых имеет сосуществующие части, например, скульптура, картина; ко вторым – те, которые действуют постепенно, например, танец, музыка. Центр произведения Лессинга, к которому сходятся все лучи, дан уже Аристотелем. Если действием искусства является энергия, то полнота такого искусства может восприниматься только в течение времени, а если оно является произведением, то полнота видна не во время действия энергии, а только после него» (Herder, 1862: 160).

Вайсгербер обращает внимание на трудность интерпретации этого гумбольдтовского понятия, служившую причиной ложных толкований, «особенно в том смысле, что Гумбольдт будто бы главную роль языка отводил деятельности (Tätigkeit) говорения» (Weisgerber, 1953/54: 374),

подчеркивая наличие множества примеров таких интерпретаций и необходимость внести ясность в понимание этой оппозиции у Гумбольдта.

Во-первых, указывает Вайсгербер, эта формулировка содержится в последнем сочинении Гумбольдта, в главе под названием «Форма языков», цель которой состоит, согласно Гумбольдту, в объяснении того, «что следует понимать под каким-то отдельным языком» (Humboldt, 1963b: 418). Поиск твердого критерия для сравнения отдельных языков затруднен ввиду многообразия и переменчивости языковых явлений тем обстоятельством, что «язык нужно рассматривать не как мертвое рожденное, но скорее как порождение» (там же, с. 416), как непрерывную «работу духа, [направленную на то] чтобы сделать артикулированный звук способным для выражения мысли» (там же, с. 418). Здесь Гумбольдт продолжает: «Непосредственно и строго говоря, это есть дефиниция каждого отдельного (jedesmalig) говорения, но в истинном и сущностном смысле языком можно считать только как бы совокупную цельность (Totalität) этого говорения» (там же). Отмечая, что первая часть этого высказывания дает основание Р. Яну понимать язык как деятельность говорения, Вайсгербер предлагает более внимательный взгляд на это суждение Гумбольдта, который подчеркивает, что «язык есть нечто непрерывно и в каждое мгновение проходящее», что «даже его поддержание (Erhaltung) посредством письма есть всегда лишь неполное, мумиеподобное сохранение (Aufbewahrung), которое ведь опять-таки нуждается в том, чтобы стремиться наглядно представить живую речь»: язык «сам есть не произведение (Ergon), а деятельность (Energeia)», и поэтому «его истинная дефиниция может быть только генетической», «он есть вечно повторяющаяся работа духа» (там же, с. 418). Вайсгербер справедливо указывает на то, что оппозиция «эргон – энергея» не имеет ничего общего с противопоставлением письменной и устной речи, но подразумевает оппозицию «мертвое рожденное и порождение»: Гумбольдт пытается уточнить свою мысль о своеобразной форме бытия языка пояснением через греческие слова, а впоследствии говорит вообще о «деле порождения языка» (Geschäft der Spracherzeugung) как задаче человечества.

Однако же на пути описания формы какого-то отдельного языка возникает препятствие, а именно то обстоятельство, что он является чем-то «постоянно проходящим», т.е. не произведением, покоящимся в себе. Поэтому Гумбольдт пытается описать эту форму бытия языка сначала как деятельность (Tätigkeit), но, понимая ее вовсе не как деятельность говорения, вносит тут же уточнение словом Energeia и толкует это в смысле «генетической дефиниции» как «вечно возобновляющуюся работу духа», заключая: «Обозначение языков работой духа является совершенно правильным и адекватным выражением уже потому, что бытие духа вообще можно помыслить только в деятельности и [только] как таковую» (там же, с. 419). В рукописном варианте Гумбольдт пытается далее еще более определенно пояснить свою мысль: «Следует, однако, избегать ложного толкования (Mißdeutung), [состоящего в том] чтобы подразумевать под этим сознательно, в том числе и в деталях процесса, постепенно происходящую

работу. Вот это как раз совершенно не подходит к языку, и если выделять в нем эту сторону его необъяснимой самостоятельности, то его следует назвать не работой или деятельностью, а, имея в виду сиюминутную формацию (*augenblickliche Bildung*), как бы произвольной эманацией духа. Он есть не столько произведение (*ein Werk*) наций, сколько дар, выпавший на их долю по их внутренней судьбе. Они обладают им, не зная, как они его образовали. Язык поэтому можно и даже нужно рассматривать как внешнее проявление духа народов, их язык есть их дух, и их дух есть их язык, и нельзя представить себе ничего более идентичного» (Humboldt, 1907: 46). Это ложное толкование возникает, согласно Гумбольдту, по той причине, что «неизбежное для его [языка] изучения расчленение его строения вынуждает нас даже к тому, чтобы рассматривать его как метод, который ведет с помощью определенных средств к определенным целям, и считать его поэтому на самом деле созданием (*Bildungen*) наций» (там же, с. 46-47).

По поводу попыток Гумбольдта сформулировать энергетическое понимание языка Вайсгербер пишет: «Буквально чувствуешь, как Гумбольдт старается адекватно облечь в слова то, что как раз в отношении формы бытия отдельных языков лишь с большим трудом поддается высказыванию с помощью привычных понятий: вся сфера языка (*der ganze Bereich des Sprachlichen* (с помощью термина *das Sprachliche* Вайсгербер проводит различие (где считает это необходимым) между языком как всей сферой реализации языковой способности человека и отдельным языком. Ср. «*das Sprachliche schlechthin vs. eine einzelne Sprache*» (Weisgerber, 1954: 574)), с точки зрения энергетической, понятна в рамках человечества как большое 'дело порождения языка', в рамках отдельной жизни осязаема в говорении (и во всяком 'употреблении языка') как процесс, но также и в рамках отдельных языковых общностей [ощутима], в сущности, не как произведение (*Werk*), не как формация (*Gebilde*), а как форма действия (*Wirkungsform*), как 'вечно возобновляющаяся работа духа', 'как бы совокупная цельность (не сумма!) этого говорения', как 'эманация духа' группы людей. Как раз это последнее столь трудно сказать недвусмысленно, и все же Гумбольдту больше всего нужна эта точка зрения, чтобы сделать понятной форму какого-либо языка как 'постоянное и единообразное, заключенное в этой работе духа', в этой деятельности (*Tätigkeit*). Поэтому он привлекает на помощь еще непривычное понятие *энергейя*, чтобы сделать эту мысль о 'каком-либо языке как деятельности' наглядной, и не понятие энергейи поясняет с помощью понятия деятельности, но стремится эту деятельность, эту вечно возобновляющуюся работу духа объяснить как языковую энергейю языковой общности, как форму бытия духовной силы, которую можно помыслить 'вообще только в деятельности и только как деятельность'» (Weisgerber, 1953/54: 375-376).

В том обстоятельстве, что Гумбольдт прибегает к понятию энергейи в поисках описания сущностного характера языка как порождения, как деятельности, как духовной работы, как эманации духа применительно к основным объектам языковедческих исследований, отдельным языкам,

Вайсгербер видит попытку объяснить язык в трех формах его проявления: в жизни человечества, языковых общностей и индивидуумов. При этом он утверждает, что, используя понятие энергейи, «Гумбольдт не имел перед глазами ни Харриса, ни Гердера, ни Аристотеля (сколь бы хорошо известно ни было ему то, что было там полезного для его проблемы, которую все же никто не рассматривал в его понимании)» (там же, с. 376). Что касается этого утверждения Вайсгербера, то оно представляется не вполне ясным. Во-первых, Дж. Харрис с очевидностью следует Аристотелю, как мы показали это в книге «Концепция языковой картины мира в трудах Вильгельма фон Гумбольдта» (Лобанова, 2013: 155-158), а Гердер, хотя и упоминает в этой связи Дж. Харриса, но прямо ссылается, как мы видели выше, на Аристотеля. С другой стороны, это утверждение Вайсгербер никак не подтверждает толкованием текстов Дж. Харриса и Гердера, которое могло бы показать отличие их понимания энергейи от понимания Гумбольдта. Во-вторых, аристотелевский характер энергейи в понимании Гумбольдта представляется довольно очевидным (подробнее: Лобанова, 2013: 158-164), сложность же состоит в осмыслении этого понятия применительно к языку и объясняется в значительной степени исторической традицией языкознания.

Суждение Гумбольдта о языке как энергейе требует важного для дальнейшего развития его мысли у Вайсгербера уточнения: энергейитическое понимание языка у Гумбольдта есть его сущностное понимание, и он, безусловно, не отвергает язык как «мертвое порожденное», как эргон для исследовательских целей, но предостерегает от того, чтобы удовлетворяться при этом механическими способами объяснения. «Как запас слов, – пишет он, – и система правил, которые мы называем языком, всегда оплодотворяются в мышлении, говорении и письме живым духом, так и исследование должно всегда одновременно иметь перед собой живой дух и мертвый язык, и следовать за их взаимодействием» (Humboldt, 2004: 69). Для понимания оппозиции *эргон-энергейя* в интерпретации Вайсгербера важно помнить, что в своей теории языка он руководствуется языковым законом человечества.

Из утверждения Гумбольдта о том, что язык есть «путь преобразования мира в собственность духа» (Humboldt, 1963a: 64). Вайсгербер выводит следующее рассуждение: «Энергейитическое понимание языка является, по сути, следствием того факта, что языковая способность есть сила, которой располагает человек для устройства (*Gestaltung*) человеческой жизни. В соответствии с этим все формы проявления языка (*des Sprachlichen*) следует рассматривать в первую очередь как способы действия (*Wirkungsweisen*) человеческой языковой способности. Приведение в действие (*Betätigung*) языковой способности означает прокладывание путей языкового подступа к миру. Этот подступ остается необходимым образом человеческим, т.е. соразмерным чувственно-душевно-духовным силам человека. Это означает, что ‘бытие’ может только в процессе усвоения обрести ‘осознанное бытие для людей’. Как явления мира могут становиться чувственным образом релевантными для человека, только если они воспринимаются органами

чувств и подвергаются специфическим превращениям, так и духовным образом они могут становиться значимыми лишь в той степени, в какой они проходят формирование 'духовными органами' и переводятся в человеческое сознание (Bewußt-Sein). Сюда же относится и языковой подход к миру: языковая способность (Sprachfähigkeit) есть человеческая способность (Vermögen) языкового усвоения мира» (Weisgerber, 1955: 250). В языковом усвоении мира и состоит, согласно Вайсгерберу, языковая задача человечества, условием выполнения которой является совместное развертывание силы языковой способности соответственно определенными группами людей. Эта задействованность человеческой языковой способности, вступление ее в силу в некой общности, составляющее сердцевину того, что он понимает под родным языком этой общности, осуществляется тем самым на уровне человечества как человеческая языковая способность, на уровне языковой общности как части человечества и на уровне индивидуума как отдельного члена языковой общности.

Развертывание языковой способности в усвоении мира подчинено, согласно Вайсгерберу, языковому закону человечества, включающему в себя три закона: закон обусловленного языком бытия, закон родного языка и закон языковой общности. Языковой закон человечества мы здесь не будем рассматривать подробнее, скажем только то, что необходимо для понимания термина *родной язык*. «Человечество членится неизбежным образом с непрерывностью и постоянством на языковые общности, – пишет Вайсгербер. – Тем самым языковая общность ознаменована как необходимая основная форма человеческой общественной жизни. Но вместе с языковой общностью столь же неизбежным образом дан факт наличия родного языка. Каждая языковая общность как таковая внешне ограничена и внутренне определена присущей ей формой языка, ее *родным языком*. Применяя здесь термин *родной язык*, мы не имеем своей целью ни внести сентиментальную ноту в рассмотрение языка, ни умалить то значение, которое имеет факт наличия *родного языка* в жизни отдельного человека» (Weisgerber, 1964: 29).

Вайсгербер выдвигает положение о том, что бытие любого и каждого языка состоит в его *действительности* (Wirklichkeit), которую следует понимать в самом подлинном значении этого слова, т.е. как действие (Wirken), присущее всему живому. При этом он проводит строгое различие между сущностью языка и формами его проявления: сущность *языка*, заключающаяся в том, чтобы быть «силой наивысшей действительности», составляет одновременно «действительность» *языков*. Взяв «такую величину как немецкий язык», Вайсгербер задается вопросом о том, «что́ есть немецкий язык по своей форме бытия», и отвечает на него: конечно, он не эргон, не «произведение» (Werk), которое имеет свое бытие как завершенное и в самом себе покоящееся. Все попытки понять и описать формы существования отдельных языков под таким углом зрения приводили, как считает Вайсгербер, к «невозможным выводам»: либо язык овеществлялся и приравнивался к тому, что содержится в словаре и в грамматике, либо делалось заключение, что такая формация (Gebilde), как немецкий язык,

является лишь абстракцией и на самом деле не существует. Оба вывода не соответствуют действительности: «реального», как бы овеществленного бытия немецкому языку, безусловно, нельзя приписывать, но столь же невозможно и отрицать его бытие, поскольку очевидно, что он существует – не в качестве эргона, а в качестве энергейи. «Такая формация (Gebilde), как немецкий язык, – пишет Вайсгербер, – которому, безусловно, не соответствует никакая ‘реальность’ в смысле чего-то вещно-ощутимого, которое, однако, столь же безусловно не является простой ‘грамматической абстракцией’, становится доступным нашему пониманию в его бытии, если мы будем рассматривать его как взаимосвязь действий (Wirkungszusammenhang), в которой воспринимаемая как ‘формация’ мертвая материя являет себя, будучи постигаемой как ‘сила’ высочайшей действительности» (Weisgerber, 1949: 8-9). Поэтому для лучшего понимания языка следует рассматривать его форму наличного бытия (Dasein) как форму действительности. «Эта мысль о действительности (Wirklichkeit) такой величины, как немецкий язык, – пишет Вайсгербер, – позволяет увидеть те взаимосвязи, в которых разворачивается его ‘жизнь’: он является носителем взаимосвязи (воз)действий (Wirkungen) и тем самым силой, которая имеет свое бытие в жизни всей языковой общности в качестве точки накопления и распространения (воз)действий. *Действительность* таких сил обладает не меньшим значением, чем реальность вещей и предметов окружающего мира. Здесь обретает свое последнее обоснование познание языка как силы духовного формирования» (Weisgerber, 1953: 15-16). При этом «каждый родной язык является центром такого духовного преобразования» (Weisgerber, 1951: 26), и каждый родной язык, «терминологически определяемый как каждый отдельный язык в его неразрывном взаимодействии с его языковой общностью, есть, таким образом, по своей сущности, осуществление языкового усвоения мира языковой общностью» (Weisgerber, 1955: 250).

Поскольку родной язык и языковая общность пребывают в состоянии взаимозависимости, образуя единство, то и в научном смысле, подчеркивает Вайсгербер, их можно понимать только лишь как целое, и поэтому невозможно разорвать исследование этих двух сторон единства. Из этого с Вайсгербер заключает, что каждый отдельный язык нужно рассматривать двояким образом: как, например, немецкий язык и как родной язык немцев, т.е. как «мертвое» образование, как эргон в первом случае и как силу в действии, как энергейю во втором случае. Такой подход позволяет, с его точки зрения» «в полной мере оценить, исходя из мысли о родном языке, глубокий смысл положения Гумбольдта о том, что язык есть не эргон, а энергейя: именно с введением термина *родной язык* для [обозначения] основного проявления языка <...> должно прийти осознание, что между исследованием ‘немецкого языка’ и исследованием ‘родного языка немцев’ лежит все то пространство способа рассмотрения, которое в одном случае позволяет увидеть эргон, изолированное, мертвое образование (Gebilde), а в

другом – энергейю, разворачивание силы широчайшей действительности» (Weisgerber, 1964: 32).

Из этих двух подходов к рассмотрению языка вытекает необходимость методического разграничения способов его изучения и описания: язык как эргон требует «статически-грамматического (под грамматикой Вайсгербер понимает описание языка как эргона не только в его собственно грамматической части, но также и в лексической, а под языкознанием (или «полным» языкознанием – изучение и описание языка как энергейи) доведения до сознания (Bewußtmachen) языкового промежуточного мира», а язык как энергейя требует «динамически-языковедческого объяснения (Durchschauen) языкового освоения мира» (Weisgerber, 1962: 74) (это и отражается в тематическом подразделении его фундаментального четырехтомного труда «О силах немецкого языка»). Язык как эргон содержит, согласно Вайсгерберу, статическую картину мира (Weltansicht), представленную «языковыми содержаниями» (sprachliche Inhalte), а язык как энергейя – динамическую картину мира (Weltbild), представленную «языковыми приемами» (sprachliche Zugriffe) освоения мира.

Важно также, что Вайсгербер устанавливает связь понятия энергейи, возникающего применительно к языку в последнем труде Гумбольдта, с противопоставлением результата и действующей силы в его более ранних сочинениях и доказывает, что оппозиция *эргон-энергейя* не подразумевает ограничение или разграничение *письменная речь – устная речь*. И в этом смысле можно только присоединиться к словам Вайсгербера: «Кто употребляет слова о языке как энергейе лишь как бессмысленно повторяемую (nachgeplappert) формулу, а не как постоянное побуждение к осмыслению одной из сложнейших идей в рассмотрении языка, тому не следует даже и произносить их» (Weisgerber, 1953/54: 377).

Литература

1. Лобанова Л.П. Концепция языковой картины мира и ее истоки в трудах Вильгельма фон Гумбольдта. – М.: АПК и ППРО, 2013. – 408 с.

2. Harris J. Concerning Art: A Dialogue // Works of James Harris, Esq. With an Account of His Life and Character. By His Son The Earl of Malmesbury. – Oxford: Printed by J. Vincent, 1841. – P. 1 – 24.

3. Herder J.G. Kritische Wälder. Oder Betrachtungen über die Wissenschaft und Kunst des Schönen // Johann Gottfried von Herders sämtliche Werke. Zur schönen Literatur und Kunst. Elfter Band. – Stuttgart und Tübingen: I.G. Cotta'scher Verlag, 1862. – 408 S.

4. Humboldt W. von. Ueber die Verschiedenheit des menschlichen Sprachbaues und ihren Einfluß auf die geistige Entwicklung des Menschengeschlechts 1830-1835 // Wilhelm von Humboldts Werke. Hrsg. Von Albert Leitzmann. Siebenter Band. Erste Hälfte: Einleitung zum Kawi-Werk. – Berlin: B. Behr's Verlag, 1907. – S. 1 - 344.

5. Humboldt W. von. Ideen über Staatsverfassung durch die neue französische Constitution veranlasst (1791) // Wilhelm von Humboldt. Werke in

fünf Bänden. Hrsg. von Andreas Flitner und Klaus Giel. Band 1. – Darmstadt: Wissenschaftliche Buchgesellschaft, 1960. – S. 33 - 42.

6.Humboldt W. von. Latium und Hellas, oder Betrachtungen über das classische Alterthum (1806) // Wilhelm von Humboldt. Werke in fünf Bänden. Hrsg. von Andreas Flitner und Klaus Giel. Band 2. – Darmstadt: Wissenschaftliche Buchgesellschaft, 1961. – S. 25 - 64.

7.Humboldt W. von. Ueber den Nationalcharakter der Sprachen (Bruchstück) (1822) // Wilhelm von Humboldt. Werke in fünf Bänden. Hrsg. von Andreas Flitner und Klaus Giel. Band 3. – Darmstadt: Wissenschaftliche Buchgesellschaft, 1963. – S. 64 - 81.

8.Humboldt W. von. Ueber die Verschiedenheit des menschlichen Sprachbaues und ihren Einfluß auf die geistige Entwicklung des Menschengeschlechts (1830-1835) // Wilhelm von Humboldt. Werke in fünf Bänden. Hrsg. von Andreas Flitner und Klaus Giel. Band 3. – Darmstadt: Wissenschaftliche Buchgesellschaft, 1963. – S. 368 - 756.

9.Humboldt W. von. Grundzüge des allgemeinen Sprachtypus (1824-1826) // Wilhelm von Humboldt. Grundzüge des allgemeinen Sprachtypus. Hrsg. von Christian Stetter. – Berlin/Wien: Philo-Verlag, 2004. – S. 33 - 144.

10.Jahn R. Neuformung der Grammatik // Wirkendes Wort. Jahrgang 4, Heft 2 (1953/54). – S. 65-74.

11.Weisgerber L. Die Sprache unter den Kräften des menschlichen Daseins. – Düsseldorf: Pädagogischer Verlag Schwann, 1949. – 49 S.

12.Weisgerber L. Das Gesetz der Sprache als Grundlage des Sprachstudiums. – Heidelberg: Quelle & Meyer, 1951. – 201 S.

13.Weisgerber L. Die tragenden Pfeiler der Spracherkenntnis // Wirkendes Wort 1, Heft 1; 1950/51. – S. 1 - 12.

14.Weisgerber L. Vom Weltbild der deutschen Sprache. I. Halbband. Die inhaltbezogene Grammatik. – Düsseldorf: Pädagogischer Verlag Schwann, 1953. – 267 S.

15.Weisgerber, Leo (1953/54). Zum Energieia-Begriff in Humboldts Sprachbetrachtung // Wirkendes Wort 4, 1953/54. – S. 374 - 377.

16.Weisgerber L. Vom Weltbild der deutschen Sprache. II. Halbband. Die sprachliche Erschließung der Welt. – Düsseldorf: Pädagogischer Verlag Schwann, 1954a. – 284 S.

17.Weisgerber L. Innere Sprachform als Stil sprachlicher Anverwandlung der Welt // Studium Generale. Jahrgang 7, Heft 10 (1954b). – S. 571 - 579.

18.Weisgerber L. Der Begriff des Wortens // Corolla Linguistica. Festschrift für Ferdinand Sommer. Hrsg. von Hans Krahe. – Wiesbaden: O. Harrasowitz, 1955b. – S. 248 - 254.

19.Weisgerber L. Die Erforschung der Sprach‘zugriffe’ I. Grundlinien einer inhaltbezogenen Grammatik // Wirkendes Wort 7, Heft 2, 1956/57. – S. 65-73.

20.Weisgerber L. Die sprachliche Gestaltung der Welt. – Düsseldorf: Pädagogischer Verlag Schwann, 1962. – 455 S.

21.Weisgerber Leo. Das Menschheitsgesetz der Sprache als Grundlage der Sprachwissenschaft. – Heidelberg: Quelle & Meyer, 1964. – 202 S.

References

1. Lobanova L.P. Concept of linguistic world and its origins in the writings of Wilhelm von Humboldt [Kontseptsiya yazykovoy kartiny mira i yeye istoki v trudakh Vilgelma fon Gumboldta]. – M.: APK i PPRO, 2013. – 408 s.
2. Harris J. Concerning Art: A Dialogue // Works of James Harris, Esq. With an Account of His Life and Character. By His Son The Earl of Malmesbury. – Oxford: Printed by J. Vincent, 1841. – P. 1 – 24.
3. Herder J.G. Kritische Wälder. Oder Betrachtungen über die Wissenschaft und Kunst des Schönen // Johann Gottfried von Herders sämtliche Werke. Zur schönen Literatur und Kunst. Elfter Band. – Stuttgart und Tübingen: I.G. Cotta'scher Verlag, 1862. – 408 S.
4. Humboldt W von. Ueber die Verschiedenheit des menschlichen Sprachbaues und ihren Einfluß auf die geistige Entwicklung des Menschengeschlechts 1830-1835 // Wilhelm von Humboldts Werke. Hrsg. Von Albert Leitzmann. Siebenter Band. Erste Hälfte: Einleitung zum Kawi-Werk. – Berlin: B. Behr's Verlag, 1907. – S. 1 - 344.
5. Humboldt W. von. Ideen über Staatsverfassung durch die neue französische Constitution veranlasst (1791) // Wilhelm von Humboldt. Werke in fünf Bänden. Hrsg. von Andreas Flitner und Klaus Giel. Band 1. – Darmstadt: Wissenschaftliche Buchgesellschaft, 1960. – S. 33 - 42.
6. Humboldt W. von. Latium und Hellas, oder Betrachtungen über das classische Alterthum (1806) // Wilhelm von Humboldt. Werke in fünf Bänden. Hrsg. von Andreas Flitner und Klaus Giel. Band 2. – Darmstadt: Wissenschaftliche Buchgesellschaft, 1961. – S. 25 - 64.
7. Humboldt W. von. Ueber den Nationalcharakter der Sprachen (Bruchstück) (1822) // Wilhelm von Humboldt. Werke in fünf Bänden. Hrsg. von Andreas Flitner und Klaus Giel. Band 3. – Darmstadt: Wissenschaftliche Buchgesellschaft, 1963. – S. 64 - 81.
8. Humboldt W. von. Ueber die Verschiedenheit des menschlichen Sprachbaues und ihren Einfluß auf die geistige Entwicklung des Menschengeschlechts (1830-1835) // Wilhelm von Humboldt. Werke in fünf Bänden. Hrsg. von Andreas Flitner und Klaus Giel. Band 3. – Darmstadt: Wissenschaftliche Buchgesellschaft, 1963. – S. 368 - 756.
9. Humboldt W. von. Grundzüge des allgemeinen Sprachtypus (1824-1826) // Wilhelm von Humboldt. Grundzüge des allgemeinen Sprachtypus. Hrsg. von Christian Stetter. – Berlin/Wien: Philo-Verlag, 2004. – S. 33 - 144.
10. Jahn R. Neuformung der Grammatik // Wirkendes Wort. Jahrgang 4, Heft 2 (1953/54). – S. 65-74.
11. Weisgerber L. Die Sprache unter den Kräften des menschlichen Daseins. – Düsseldorf: Pädagogischer Verlag Schwann, 1949. – 49 S.
12. Weisgerber L. Das Gesetz der Sprache als Grundlage des Sprachstudiums. – Heidelberg: Quelle & Meyer, 1951. – 201 S.

13. Weisgerber L. Die tragenden Pfeiler der Spracherkenntnis // Wirkendes Wort 1, Heft 1; 1950/51. – S. 1 - 12.
14. Weisgerber L. Vom Weltbild der deutschen Sprache. I. Halbband. Die inhaltbezogene Grammatik. – Düsseldorf: Pädagogischer Verlag Schwann, 1953. – 267 S.
15. Weisgerber, Leo (1953/54). Zum Energieia-Begriff in Humboldts Sprachbetrachtung // Wirkendes Wort 4, 1953/54. – S. 374 - 377.
16. Weisgerber L. Vom Weltbild der deutschen Sprache. II. Halbband. Die sprachliche Erschließung der Welt. – Düsseldorf: Pädagogischer Verlag Schwann, 1954a. – 284 S.
17. Weisgerber L. Innere Sprachform als Stil sprachlicher Anverwandlung der Welt // Studium Generale. Jahrgang 7, Heft 10 (1954b). – S. 571 - 579.
18. Weisgerber L. Der Begriff des Wortens // Corolla Linguistica. Festschrift für Ferdinand Sommer. Hrsg. von Hans Krahe. – Wiesbaden: O. Harrasowitz, 1955b. – S. 248 - 254.
19. Weisgerber L. Die Erforschung der Sprach‘zugriffe’ I. Grundlinien einer inhaltbezogenen Grammatik // Wirkendes Wort 7, Heft 2, 1956/57. – S. 65-73.
20. Weisgerber L. Die sprachliche Gestaltung der Welt. – Düsseldorf: Pädagogischer Verlag Schwann, 1962. – 455 S.
21. Weisgerber Leo. Das Menschheitsgesetz der Sprache als Grundlage der Sprachwissenschaft. – Heidelberg: Quelle & Meyer, 1964. – 202 S.